

УДК 101.1:316

Сафонов Андрей Леонидович

кандидат технических наук, доцент кафедры истории и социологии, проректор по международным отношениям Московского государственного индустриального университета
editor@hist-edu.ru

Safonov Andrey Leonidovich

PhD in Technical Science, Associate Professor of the Department of History and Sociology, Vice-Rector for International Relations of Moscow State Industrial University
editor@hist-edu.ru

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ РЕГРЕСС

Выход человечества на ресурсные пределы экономического роста объективно ведет к системному социальному регрессу, суженному воспроизводству человеческого потенциала, экономически избыточного для глобальной экономики. Индикатором социального регресса является актуализация религиозного и этнического сознания.

Ключевые слова: глобализация, социальный регресс, национальное государство, нация этническая группа.

GLOBALIZATION AND SOCIAL REGRESS

The approach of humanity to the resource limits of economic growth objectively leads to system social regression, narrowed reproduction of human potential as a result of the global economic crisis. The indicator of social regression is the actualization of religious and ethnic consciousness.

Key words: globalization, social regress, national state, nation, ethnic group.

Соотношение глобализации и прогресса становится одной из центральных проблем современной социальной науки.

Начиная с эпохи Просвещения, прогресс, понимаемый как объективный, неотвратимый и необратимый процесс совместного восходящего развития производительных сил, научного знания и общественных отношений, внутренне сходный с биологической эволюцией, стал одной из базовых идеологем европейской философской и общественной мысли, универсальным критерием полезности и желательности любых социальных процессов. Представления же об объективном характере прогресса, который, при отсутствии «помех», «автоматически» регулирует, гармонизирует и гуманизирует всю систему общественных отношений, сделали прогресс светским аналогом божественного провидения.

Важнейшими атрибутами прогресса, как высшего общественного блага, были всеобщность и необратимость: все перемены к лучшему рассматривались как результат прогресса, весь негатив рассматривался как торможение, остановка прогресса; сколько-нибудь длительный и распространенный регресс считался «невозможным», так как противоречил принципу необратимости. Именно «розовые очки» концепции прогресса надолго обеспечили невидимость угроз и вызовов глобализации, как качественно новой эпохи, которая запоздало открылась как «западня глобализации» [1]. Сквозь привычные шаблоны экономического детерминизма важнейшие социальные тренды глобализации (например, этнизация и другие дивергентные явления) воспринимаются как локальные флуктуации («глокализация») [2]. Таким образом, глубинные качественные отличия, атрибуты новой эпохи не осознаются, воспринимаясь массовым сознанием в лучшем случае как второстепенные детали.

Характерно, что идея прогресса была и раньше тесно связана с идеей глобальной экспансии западноевропейской экономики и культуры, в результате чего все локальные пути и особенности развития, отличные от западноевропейской модели, рассматривались исключительно как препятствия для прогресса.

Конечным пределом прогресса мыслилась глобальная экономическая, культурная и политическая конвергенция на основе западной модели развития и продолжения научно-технического прогресса (индустриализма) на новом, «постиндустриальном», уровне – то есть глобализация в ее западном восприятии, как очередная форма воплощения всепобеждающего прогресса, приносящего благо даже побежденным и аутсайдерам мирового развития.

Несмотря на известную неопределенность, идеологизацию и даже мифологизацию понятия, до конца XX в. концепция прогресса вполне адекватно отражала ход и особенности исторического развития. Причина в том, что технологический прогресс наращивал производство материальных благ не сам по себе, но путем расширенного вовлечения в оборот природных конечных запасов материи и энергии. И если до середины XX в. рост ресурсной базы опережал темпы роста производства, что позволяло считать их «условно-неограниченными», то завершение «эпохи великих геологических открытий», истощение доступных запасов материи и энергии качественно изменило ситуацию, опровергнув постулаты идеологии прогресса. В новых условиях социальный прогресс

оказался крайне дорогой и негибкой в эксплуатации машиной, исчерпавшей запасы сырья и начинающей приносить убытки.

Создание глобального рынка и устранение, казалось бы, последних препятствий на пути прогресса совпало с давно ожидаемым моментом, когда мировая экономика вышла на пределы роста и стала замкнутой физической системой. В итоге прогресс в прежнем смысле этого понятия стал возможен только на локальном уровне, за счет перераспределения, как единственного пути высвобождения ресурсов, отделения ресурсного содержания от прежних социальных форм. На первый план вышли процессы расслоения, перетока, перехвата как ресурсов, так и разного рода «негативных ресурсов» – расходов, конфликтов и издержек. Впервые с начала Просвещения регресс – экономический и социальный, стал равновеликой, если не преобладающей, стороной мирового развития, атрибутом новой эпохи.

Но если порожденный глобализацией экономический регресс, пусть и под маской «мирового экономического кризиса», достаточно очевиден, то формы, масштабы и механизмы социального регресса не осознаны.

Нарастающие проявления социального регресса все еще воспринимаются как «парадоксы», «издержки», «катастрофы», «западни глобализации», «экономическое убийство», «рост социальной дифференциации», локальные аномалии («глокализация»), за которыми не просматривается целое – социальный регресс, как важнейший атрибут глобализации.

«Классический» прогресс XIX–XX вв. был связан не столько с развитием технологий и ростом объемов производства, сколько с прогрессом социальных отношений и институтов, сформировавших нового человека – массового человека индустриальной эпохи, ставшего объективно необходимым условием прогресса.

Растущая промышленность втягивала в свою орбиту все новые массы людей, ранее связанных с деревенской общиной. Однако индустриальный рост требовал не просто рабочих рук, как мускульной силы, а лояльных, социально адаптированных и мотивированных граждан, сплоченных в гражданскую нацию, как системообразующую социальную группу. Соответственно, задачи национального строительства и расширенного воспроизводства человеческого капитала потребовали небывалых в истории инвестиций в опережающее развитие социальной сферы (образования, науки, медицины, социального обеспечения и коммунальной инфраструктуры), по обороту и численности занятых сопоставимой с производственным сектором. Во второй половине XX в. в индустриальных странах, пока человеческий ресурс оставался лимитирующим звеном экономического роста, в сфере расширенного воспроизводства человеческого капитала было задействовано от четверти до половины трудоспособного населения.

Достигнув максимального темпа роста в середине XX в., к его концу научно-технический прогресс исчерпал свой социальный потенциал. Отчасти это связано с объективным исчерпанием потенциала модернизации базовых индустриальных технологий, перехода от массового освоения революционных технологий (электрификация, авиация, ядерная энергия...) к их количественному улучшению. Однако гораздо важнее, что НТП утратил роль лимитирующего звена, определяющего возможности производства и потребления материальных благ, что связано с выходом производительных сил на уровень природно-ресурсных ограничений и началом глобального ресурсно-демографического кризиса [3].

Выход производительных сил на уровень природно-ресурсных ограничений привел к тому, что дальнейший рост производительности труда вел не к росту производства (и, соответственно, уровня жизни), а к нарастающему высвобождению работников из сферы производства, их массовому переходу в непроизводственную сферу и в конечном счете – к превращению населения из ресурса развития в источник затрат, а индивида – из потребителя и заказчика социально-экономического развития в некупаемую «демографическую нагрузку».

Исчерпав себя, как источник прогресса, НТП превратился в свою противоположность, став предпосылкой дистанцирования, отчуждения, выталкивания масс и социальных групп из прежней системы социальных отношений, то есть системной десоциализации. Снижая потребность в живом труде и тем самым дистанцируя массы от непосредственного участия в производстве, постиндустриальный научно-технический прогресс повсеместно проявляется как размывание, маргинализация «среднего класса» и неуклонный рост страты «застойной бедности», где отчуждение от всей системы общественных отношений приобретает устойчивый и социально наследуемый характер. Выйдя за «пределы роста», производительные силы начали «поедать людей», как ресурс, ставшим для системы избыточным.

И если в начале – середине XX в. уровень потребления удваивался за время жизни одного поколения (20 лет), создавая ощущение неограниченных возможностей роста и ресурсную базу

для компромисса интересов элит и масс, поднятых на качественно новый уровень жизненных стандартов и возможностей («средний класс»), то к середине 1970-х гг. экономический, и, как следствие, социальный прогресс в индустриальных странах исчерпал возможности своего количественного роста. Соответственно, исчерпал себя и социальный компромисс, лежавший в основе «государства благосостояния», как высшей формы развития национального государства. Еще одним фактором регресса стал опережающий экономику рост населения в «Третьем мире», что с 1970-1980-х гг. дало снижение среднестатистических показателей ресурсообеспеченности, прежде всего – продовольственной.

Таким образом, к концу XX в. прогресс, как всеобщее, системное поступательное развитие, при котором темпы роста производства существенно опережали рост населения, был исчерпан. Дальнейший рост был возможен только за счет перераспределения, передела внутренних ресурсов мир-системы, за счет изъятия ресурсов у аутсайдеров. Соответственно, элиты были поставлены перед необходимостью социального реванша, позволяющего сохранить социальные позиции и сконцентрировать ресурсы для успешной конкуренции в условиях простого, а потенциально – и суженного материального воспроизводства.

В условиях нулевого роста единственным источником накопления может быть только та или иная форма изъятия ресурсов из базовых социальных институтов, прежде всего – институтов воспроизводства человеческого потенциала: образования, здравоохранения, социальной сферы. Суженное воспроизводство социальных институтов национального государства – не что иное, как регресс соответствующих групп, члены которых, лишенные своей социальной ниши, либо маргинализируются и вытесняются на социальную периферию, либо переходят в другие, негосударственные (неправительственные) и внегосударственные сферы деятельности, либо покидают данный социум (эмиграция). При этом негативные последствия сворачивания кадрового воспроизводства, в особенности – кадров высшей квалификации, носят отсроченный, необратимый и неотвратимый характер, связанный с инерционностью демографических процессов.

Процесс изъятия ресурсов из сферы воспроизводства населения носит не только субъективный, сколько объективный характер: нарастающий ресурсно-демографический кризис заставляет бизнес и правительства сокращать социальные расходы, тем самым разрушая воспроизводство ключевых социальных групп и институтов, в т. ч. – объективно необходимых для функционирования общества в долгосрочной перспективе.

В условиях ресурсно-демографического кризиса продолжение прогресса в одних областях стало возможно почти исключительно за счет регресса в других, более массовых и инерционных, сферах. Управляемость такого регресса, инструментом и регулятором которого становится постиндустриальное государство, не отменяет и не смягчает его долгосрочных последствий. Более того, ликвидация социальных институтов в качестве источника ресурсов с особой остротой ставит проблему «пределов падения» – предела устойчивости социума, поставленного в условия суженного воспроизводства.

И если к середине XX в. развитые государства (как Восток, так и Запад) нашли социальный компромисс на основе развитой системы социальных гарантий, то в условиях глобального рынка с перетоком капиталов и рабочей силы, вне цикла экономического воспроизводства оказываются не только социальные страты, но и население целых государств.

Но если на пике индустриального роста люди, высвобождаемые из сферы производства, перемещались в сферу услуг, то в условиях сужения ресурсной базы «государства благосостояния» происходит выталкивание населения за пределы системообразующих, включенных в цикл экономического воспроизводства социальных групп, их маргинализация и люмпенизация. Внешне это проявляется как расширение зон «застойной бедности», в рамках которых пребывание индивида вне цикла социального воспроизводства становится устойчивым, вплоть до пожизненности и наследственности.

Характерно, что разрушаются социальные институты и группы, связанные с государством и, соответственно, нацией как общностью его граждан. Соответственно, альтернативные и параллельные социальные институты, прежде всего институты традиционного общества, связанные с этносом и религией, переживают период бурного роста, экспансии в сферы, еще недавно монополизированные государством [4].

Вместе с тем, даже частичное замещение сложившихся к середине XX в. институтов национального государства архаичными институтами – не что иное, как системный социальный регресс, имеющий далеко идущие последствия. Успешно возрождаясь в новых условиях, как инструмент межгрупповой конкуренции, этнические социальные структуры сами по себе не способны даже к простому воспроизводству социальной среды и интеллектуального потенциала, адекватного слож-

ности техносферы – хотя бы в силу фрагментации общества.

Выход мировой системы на «пределы роста» был своевременен и однозначно оценен на уровне западных элит, заявивших об угрозе «демографического взрыва», ресурсного и экологического кризиса (Р. Макнамара, Г. Киссинджер), необходимости перехода к стратегии «нулевого роста» («Пределы роста» и другие доклады Римского клуба).

Однако «бунт элит» не стал «бунтом» в прямом смысле этого слова, а приобрел форму глобализации, превращающей закрытые и регулируемые национальные экономики в неподконтрольные государству-нации открытые системы, позволяющие делокализованным и денационализированным экономическим субъектам (корпорациям) и, соответственно, корпоративным элитам манипулировать ресурсами в обход государственного регулирования кейнсианского типа.

Таким образом, уже с конца 1970-х гг. началось создание и расширение глобального сектора экономики и глобального рынка, на основе не столько роста и кооперации производства как доходной части глобального бюджета ресурсов, сколько идеи «экспорта социальных издержек» на геополитическую и социальную периферию, то есть экономия на социальных расходах и других инвестициях в человеческий капитал.

Экспорт социальных издержек приобрел много различных форм, из которых наиболее известны экспорт капитала под заведомо некупаемые проекты «развития» периферийных стран (связанные кредиты МВФ и МБРР), а также сырьевая модель экономики. Создание транснационального, оффшорного, сектора экономики обеспечивало и другую технологию перераспределения – уход бизнеса и корпоративных элит от «социальной ответственности», перехват ими прибылей и ресурсов социального государства – «приватизация государства благосостояния».

Другим направлением перераспределения ресурсов в пользу корпоративных элит и «верхне-среднего класса» стала глобализация национальных рынков труда – перевод производства в «новые индустриальные страны» и массовый завоз в индустриальные страны условно-бесплатной рабочей силы.

В результате глобальное стирание территориальных границ между «первым миром» и «третьим миром» стала мощным механизмом социального регресса индустриального мира.

Таким образом, глобализация стала не новым этапом всемирного прогресса, а началом регрессивного социального развития, при котором видимость процветания определенных социальных групп и страт в государствах-лидерах оплачивается целенаправленной маргинализацией государств и социальных групп (в том числе и самих странах «ядра»), неуклонно дистанцируемых, отчуждаемых от общественного производства и ресурсных потоков.

Общепризнанными реалиями глобализации являются, с одной стороны, кризис гражданской нации, а, с другой стороны – «ренессанс» этничности и религиозности, что часто не находит достаточного объяснения в рамках известных теорий этноса.

Деграция институтов национального государства и нации, как интегрирующей социальной группы, объективно ведет к их замещению архаичными формами социальной организации, несовместимыми с современными формами общественного производства, и это несоответствие приобретает все более явные формы.

В любом случае, повсеместная актуализация религиозного и этнического сознания и на фоне кризиса нации, как института, обеспечивавшего системный социально-экономический прогресс последних двухсот лет, является как индикатором регресса, так и действенным фактором его ускорения и генерализации.

Важнейшим измерением глобального социального кризиса стал кризис национальных государств. Если раньше кризис локальных социумов носил изолированный характер, то глобализация превратила локальные социумы в неравновесные открытые системы, создав между ними мощные каналы (финансовый, миграционный, информационный...) как стихийного «перетока кризиса», так и целенаправленного экспорта нестабильности. Характерно, что деграция отдельных национальных государств идет как повсеместный, почти синхронно протекающий, глобальный процесс, имеющий сходные социальные механизмы.

Смена содержания мирового развития – от прогресса к переделу ограниченных ресурсов в условиях суженного воспроизводства, не могла не привести к изменению функций и формы государства. Сохранив и даже расширив инструментарий воздействия на общество, количественно расширив государственный аппарат, как инструмент тотального воздействия на общество и отдельного индивида, государство эпохи глобализации отнюдь не самоустранилось, но сменило приоритеты, соответственно новым приоритетам элит.

Видимость «отмирания» государства в ходе ультралиберального реформирования обусловлена его отказом от позитивных стимулов и функций расширенного воспроизводства человеческо-

го потенциала, игравших ключевую роль в прогрессе индустриальной эпохи, прежде всего – от воспроизводства нации, как интегрирующей социальной группы. Государство «отмерло» для нации, равно как и нация и национальные интересы перестали быть социальной основой, смыслом и целью постиндустриального государства, узурпированного элитами.

Однако кризис нации отнюдь не означает исчезновения государства. *Новое, постиндустриальное, государство становится инструментом последовательного отделения ресурсных потоков от ресурсоемких по своей природе институтов государства «всеобщего благосостояния», механизм которого – целенаправленная и последовательная десоциализация и маргинализация как определенных социальных групп, так и гражданских наций в целом, то есть управляемый регресс в сфере общественных отношений. Постиндустриальное государство не самоустраняется, превращаясь в «ночного сторожа», а активнейшим образом участвует в демонстрации институтов предшествующей эпохи, становясь локомотивом социального регресса.*

Процесс перерождения государства-нации в новый тип государства, начавшийся на рубеже 1980-х гг. прошлого века, зашел настолько далеко, что сегодня можно говорить о новом типе государства, источником ресурсов для развития которого является демонтаж системообразующих социальных институтов государства всеобщего социального обеспечения («welfare state») индустриальной эпохи, «избыточных» с точки зрения правящих элит в условиях объективно достигнутых «пределов роста».

Хотя название нового типа государства не устоялось, вполне корректным и при этом нейтральным термином будет «постиндустриальное государство», что подчеркивает его качественное отличие от государства-нации индустриальной эпохи. Что же касается социальных трендов, то размывание, расслоение, поляризация гражданской нации, как интегрирующей общество социальной группы, позволяет говорить и о «постнациональном государстве».

В современном, постиндустриальном и постнациональном государстве видимость продолжения прогресса все более ограничивается отдельными анклавами и стратами, и обеспечивается за счет создания и расширения деградирующей социальной периферии – как заграничной, так и внутренней. Периферийное население отсекается не только от денежных потоков, но, что важнее, от социальных институтов «государства благосостояния» и гражданского общества, прежде всего – от гражданской нации, как базовой, интегрирующей общности.

И если на фазе подъема индустриализма развитие общества обеспечивалось за счет создания целой системы социальных лифтов, то есть массового инкорпорирования индивидов и групп в социальные институты, связанные с городской средой и промышленным производством, то характерная черта глобализации – формирование и институализация широкого круга форм и механизмов социальной деградации, маргинализации, дауншифтинга, высвобождающих ресурсы для процветания верхних страт общества (наркокультура и др.)

Социальный регресс обычно иллюстрируется ростом экономического неравенства. Однако, на наш взгляд, ведущим механизмом распада является прогрессирующая деградация социальных институтов и отношений, прежде всего – механизма воспроизводства человеческого потенциала. Собственно, именно системная десоциализация, «атомизация» разрушение сколько-нибудь организованных социальных групп, способных противостоять элитам в конкуренции за ресурсы, и является ведущим механизмом социального регресса.

Фактически, одной из основных функций постиндустриального государства, сросшегося с «постнациональными» элитами, стал последовательный демонтаж социальных институтов и десоциализация населения, поэтапно дистанцируемого, отчуждаемого от социальных благ и гарантий «социального государства».

По мере генерализации регресса и нестабильности нарастающий распад прежних социальных структур ведет не к упрощению и конвергенции, а напротив, порождает громадное разнообразие дивергентных процессов, возникновение широкого спектра новых, динамичных и нестабильных социальных форм, характерных для любых открытых неравновесных систем. Вместе с тем, синергетический подход к социальным системам, объясняя всплеск метастабильного структурообразования в потоке «энергии распада» прежнего мироустройства, не дает и не может дать ключей к конкретным явлениям локального порядка.

Необъяснимым для науки XX в. с ее постулатом о «необратимости» прогресса, всеобщности конвергентных процессов и необратимым «перерастанием» этносов в нации, стало повсеместное, глобальное возрождение этнического и религиозного сознания, которое еще недавно считалось полностью и необратимо утраченным.

Эпоха глобализации качественно изменила направление, характер и механизмы мирового развития, в результате чего немыслимый в XX в. масштабный социальный регресс во всех его

формах и проявлениях объективно становится не только атрибутом, но и доминантой мирового развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Мартин Г.-П., Шуманн Х.* Западная глобализации: атака на процветание и демократию. М., 2001.
2. *Сафонов А.Л., Орлов А.Д.* Глобализация как дивергенция: кризис нации и «ренессанс» этноса // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 6. Философия, социология, политология, культурология. Улан-Удэ, 2011.
3. *Сафонов А.Л., Орлов А.Д.* Россия в глобальном ресурсно-демографическом кризисе: миграционные вызовы // По ту сторону кризиса: модернизационный потенциал фундаментального образования, науки и культуры: материалы конф. 19-20 апреля 2010 г. / под ред. А. Колганова, Р. Кrumma. М., 2010.
4. *Сафонов А.Л., Орлов А.Д.* Этнос и нация как субъекты глобализации // Социально-гуманитарные знания. № 4. 2011.